

В. Н. ВИНОВАДОВ

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
ПРАВЯЩИХ КРУГОВ РУМУНИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Румынские правящие круги вовлекли свою страну в первую мировую войну после длительных колебаний и переговоров с обеими воюющими сторонами, продолжавшихся с лета 1914 г. по август 1916 г. Этот насыщенный событиями период неоднократно привлекал внимание советских и румынских историков. Проф. Ф. И. Нотович в интересных работах «Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны» и «Бухарестский мир 1918 г.»¹ подробно разбирает перипетии торга Румынии с Антантой и Тройственным союзом. И. Георгиу в кандидатской диссертации и в опубликованной статье специально останавливается на русско-румынских отношениях данного периода².

Надо отметить, что Нотович касается в основном дипломатической истории вступления Румынии в первую мировую войну. В работах Георгиу не использованы интересные неопубликованные фонды Архива внешней политики России. Небольшая по объему статья Б. М. Колкера «Из истории вступления Румынии в первую мировую войну»³ основана главным образом на дневниках румынского консервативного деятеля германофила Маргиломана, преувеличивавшего влияние прогермански настроенных кругов в Бухаресте.

Об империалистическом характере участия Румынии в первой мировой войне говорилось в партийной печати и в ряде выступлений историков (в частности, в сообщении, сделанном П. КонстантINESКУ-ЯШЬ на сессии Академии наук РНР в октябре 1957 г.). Сейчас в Румынской Народной Республике ведется большая работа по созданию капитального «Курса истории Румынии». Значительное место в нем отводится периоду 1914—1918 гг. В румынской прессе подчеркивалось, что при обсуждении проблематики «Курса истории Румынии» некоторые из участников дискуссии, признавая, что в целом война являлась империалистической с обеих сторон, в то же время утверждали, будто участие в ней буржуазно-помещичьей Румынии имело прогрессивное значение, так как пародные массы стремились освободить трансильванских румын из-под габсбургского ига.

Этим попыткам представить в ложном свете позицию помещиков и буржуазии был дан в Румынии отпор. Журнал «Studii» отмечал, что само по себе стремление пародных масс к освобождению являлось законным и

¹ Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. I, Потеря союзниками Балканского полуострова. М.—Л., 1947; его же. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959.

² И. Георгиу. Русско-румынские отношения в период первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). Диссертация. МГУ, 1953; J. Gheorghiu. Relațiile economice romino-ruse în perioada neutralității României (1914—august 1916). — «Studii și referate privind istoria României», partea. II-a. București, 1954.

³ «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1950, № 3, стр. 264—267.

глубоко прогрессивным. Но в обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, характер войны определяется целями классов, которые ее ведут. Поэтому характер участия Румынии в первой мировой войне определялся не стремлением народных масс к воссоединению с Трансильванией, а захватническими замыслами румынской буржуазии и помещиков⁴.

В данной статье предпринимается попытка осветить некоторые вопросы внешнеполитической ориентации правителей Румынии летом 1914 г. с учетом внутреннего положения страны, ибо последнее оказывало самое непосредственное влияние на расчеты стоявших у кормила власти помещиков и капиталистов.

* * *

Мировой войне предшествовало в Румынии бурное, насыщенное классовой борьбой десятилетие. Борьба рабочих в 1905—1907 гг. и крестьянское восстание 1907 г. оказали глубокое влияние на весь последующий ход румынской истории. Румынские правители понимали, что только разобщенность действий рабочего класса и крестьянства дала им возможность расправиться с движением в городе и деревне поодиночке. Мысль о совместных действиях пролетариев города и трудящихся деревень преследовала их, как кошмар.

За год до империалистической войны в Бухаресте вышла книга «Государственные кризисы 1901—1907—1913 гг.». Автором ее был член либеральной партии бывший мэр Бухареста В. Брăтиану. Он предостерегал своих читателей против «забвения уроков, которые следовало бы извлечь из восстания сел в 1907 г.».

Он указывал, что пужно считаться с «рабочими городов, которые легче возбуждаются и восстают». «Неорганизованное восстание 1907 г. могло бы найти организацию в городах и, следовательно, принять в будущем характер не восстания, а революции»⁵.

Либералы, будучи у власти, приложили немало усилий для того, чтобы воспрепятствовать установлению союза между рабочими и крестьянами. В 1908—1910 гг. сразу же после крестьянского восстания и под его влиянием были проведены некоторые половинчатые аграрные реформы: отменены некоторые виды отработок, вызывавшие наибольшее недовольство крестьян; повышены расценки на различные сельскохозяйственные работы, приняты меры против обмана при обмере земли, предоставленной крестьянам в аренду. Однако упор был сделан на укрепление позиций кулачества, которое являлось опорой румынских помещиков и капиталистов в деревне⁶. Эти половинчатые мероприятия не разрешили аграрного вопроса. По-прежнему большая часть сельскохозяйственной площади находилась в руках помещиков, использовавших полуфеодальный отработочный труд крестьян, а $\frac{4}{5}$ крестьянских хозяйств не могли прокормить семью со своих участков земли⁷. Буржуа-либералы были слишком тесно связаны с помещиками, чтобы посягнуть на интересы последних. Границу между помещиками и крупной буржуазией в старой Румынии было трудно провести. Почти все крупные капиталисты владели в то же время обширными имениями. В обе «исторические» партии — национал-либеральную и консервативную — входили капиталисты и помещики, хотя основная масса буржуазии поддерживала либералов. Страх перед выступлениями крестьян и рабочих заставлял помещиков и капиталистов держаться друг за друга. В таких условиях либералы лишь латали существо-

⁴ «Studii», 1958, № 6, p. 8.

⁵ V. Brătianu. Crize de stat 1901—1907—1913. București, 1913, pag. 21, 26.

⁶ «Monitorul oficial», 1907—1908, № 213, p. 7905—7919.

⁷ «Agricultorii și repartizarea pământului cultivat în 1913». București, 1913, p. 24—25.

вавший аграрный строй, но эти полумеры не могли подавить недовольства крестьян.

Призрак крестьянских восстаний не покидал политического горизонта Румынии. Тревожно было в городах. 1914 год начался с крупных стачечных боев пролетариата. 15 января прекратили работу 1200 деревообделочников завода «Гец»; вскоре забастовали рабочие бухарестского арсенала, а 23 января — текстильщики в Питешти. В феврале — марте почти в течение месяца снова бастовали рабочие завода «Гец», к которым присоединились грузчики порта Галац. Дело дошло до столкновения с войсками, во время которого 13 стачечников получили штыковые ранения. Мартовская забастовка рабочих железнодорожных мастерских Бухареста сопровождалась многочисленными демонстрациями⁸.

Все это глубоко тревожило господствующую клику. Надо было тушить пожар, пока он еще не разгорелся, и подготовка к этому началась. В начале 1914 г. произошла смена правительства. Консервативный кабинет Т. Майореску уступил место национал-либералам под руководством И. Брэтиану⁹. Те немедленно заговорили об аграрной реформе и введении всеобщего избирательного права, надеясь таким путем предотвратить новый подъем революционного движения в стране. Что они конкретно собирались предпринять, осталось неизвестным. Однако из высказываний главы кабинета И. Брэтиану и его сторонников в парламенте ясно, что планируемые мероприятия не выходили за рамки приемлемого для помещиков и пужны были лишь для развертывания широкой демагогической кампании¹⁰.

Предвоенный кризис оборвал эти маневры. Внимание с внутренних вопросов переключилось на внешнюю политику. Однако непрочность тыла оставалась важнейшим фактором, влиявшим на внешнеполитическую ориентацию Румынии. Румынская буржуазия, вынашивая захватнические планы, должна была оглядываться назад — на внутреннее положение в стране.

* * *

Немалое влияние на внешнеполитический курс правящих кругов Румынии оказывал ее военный потенциал. Судить о нем в 1914 г. было довольно легко: вторая балканская война, в которой участвовала Румыния, показала как сильные, так и слабые стороны ее военной машины.

Прежде всего надо сказать, что румынской армии почти не пришлось воевать летом 1913 г. Небольшие болгарские заслоны не оказали, да и не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления вторгнувшимся румынским частям силой в 263 тыс. штыков и сабель¹¹. И тем не менее румынское командование столкнулось с громадными трудностями. Армия, как в зеркале, отражала состояние страны. Ее подтачивал непримиримый классовый антагонизм, принесенный в казармы из городов и сел. Русский посланник в Бухаресте С. Поклевский-Козелл писал об «отсутствии единения между офицерами и нижними чинами»¹². В войсках в течение десятилетий процветала палочная дисциплина. Румынские солдаты, не выдержавшие муштры и бежавшие в Россию, рассказывали о побоях и издевательствах офицеров и унтер-офицеров над рядовыми. Транспортные средства армии, полученные путем реквизиции у крестьян, не отвечали необходимым требованиям. Крестьяне телеги-каруцы не были приспособ-

⁸ «Lupta pentru refacerea și dezvoltarea mișcării muncitorești între 1900—1917». București, 1956, p. 53.

⁹ АВІР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 6.

¹⁰ Там же, л. 57, 61, 72.

¹¹ ЦГВИА, Главное управление генерального штаба (ГУГШ), ф. 2600, сп. 1 д. 3123, л. 27.

¹² АВІР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 7.

соблены к военным перевозкам, упряжь делалась из веревок. Конский состав в обозах был из рук вон плохим, ибо там использовались заморенные крестьянские лошади ¹³.

Воровство и продажность, разъедавшие государственный аппарат, коснулись и армии. Во многих частях призванные резервисты, съев взятый из дома двухдневный запас продовольствия, голодали. В других частях солдат кормили лишь хлебом и маслинами. Нового обмундирования не хватало ¹⁴.

После похода многих интендантов судили. К воровству оказались причастны и некоторые старшие офицеры. Пойманные с поличным были наказаны. Однако казнокрадство продолжало процветать.

В стране, где $\frac{4}{5}$ населения не умело ни читать, ни писать, командный состав формировался из узкой буржуазно-помещичьей и интеллигентской прослойки. Хотя поход в Болгарию продолжался всего несколько недель, выявилась острая нехватка офицеров. Совершенно катастрофически обстояло дело с медицинским обслуживанием. В Румынии в то время один врач приходился на целую волость. Хотя в армию были призваны доктора вплоть до 60-летнего возраста, их было мало и они оказались не в силах бороться с заболеваниями. «Медицинско-санитарная служба,— доносил штаб Одесского военного округа,— поставлена до крайности плохо» ¹⁵. Не болгарские пули, а страшная эпидемия холеры косила румынских солдат. В некоторых частях больные насчитывались сотнями.

Военно-промышленная база Румынии была чрезвычайно узкой. В стране не существовало сколько-нибудь значительных металлургических предприятий и крупной машиностроительной индустрии. Военные материалы поступали почти исключительно из Германии и Австро-Венгрии. Начальник генерального штаба генерал Илиеску писал позднее: «подлинный наш арсенал... находился в Германии, в Эссене у Круппа (где производились пушки), в Австрии у Штейера (винтовки) или Хиртенберга (патроны), у Блюмана, Тройсдорфа и Поттвейля (порох)» ¹⁶.

Недостатки военной организации Румынии были столь многочисленны, что Брэтиану, придя к власти в начале 1914 г., взял себе портфель военного министра. Но и он достиг немногого. В 1916 г., по подсчетам французского военного атташе капитана Пишона, производство винтовочных патронов держалось на уровне 150 тыс. в день, снарядов — 1,5—2 тысячи ¹⁷. Румыния сразу могла выставить армию в 600—700 тыс. человек. Один патрон в день приходился почти на пять солдат. По мнению французского атташе, перспектив на увеличение производства боеприпасов не существовало.

В. И. Ленин подчеркивал, что румынская буржуазия, наряду с болгарской, была одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям ¹⁸. Еще до того, как разразилась первая мировая война, буржуазия Румынии стремилась к захвату чужих территорий и хотела добиться господства в Юго-Восточной Европе. Во время второй балканской войны господствующие классы Румынии открыто выступили с претензией на эту роль ¹⁹.

Страна со слабой промышленностью, отсталым сельским хозяйством, широким забастовочным движением в городах и волнениями крестьян в деревнях — вот чем была Румыния накануне первой мировой войны. Захватнические устремления румынской буржуазии ни в какой мере не

¹³ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 810, л. 224; д. 800, л. 81, 100; д. 3128, л. 33; д. 3123, л. 21.

¹⁴ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3123, л. 23; д. 3118, л. 164.

¹⁵ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3123, л. 20, 33.

¹⁶ D. I. Ieșcu. Documente privitoare la războiul pentru întregirea României. București, 1924, p. 7.

¹⁷ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3129, л. 2.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 254.

¹⁹ «Studii», 1958, № 6, p. 9.

подкреплялись военно-промышленным потенциалом страны. Самостоятельной силы Румыния не представляла. Удовлетворить свои аппетиты румынская буржуазия могла лишь с помощью одной из существовавших коалиций. Вопрос шел о том, когда и к какому союзу присоединиться.

Формально перед первой мировой империалистической войной Румыния примыкала к Центральным державам. С Австро-Венгрией ее связывал военный договор, заключенный еще в 1883 г.²⁰ Однако этот союз уже изжил себя.

Австро-Венгрия перестала оказывать поддержку агрессивным устремлениям румынской буржуазии. Во время второй балканской войны Габсбургская монархия встала на сторону Болгарии. С внутриаполитической точки зрения союз с Веней тоже не устраивал бухарестские правящие сферы. В Трансильвании проживало около 4 млн. румын, подвергавшихся тяжелому национальному гнету, лишенных политических прав. Воссоединение в едином государстве всех румынских земель было давним стремлением румынского народа. Гнет, которому подвергались их соотечественники в Трансильвании, вызывал в Румынии протесты. Положение особенно обострилось в месяцы, предшествовавшие мировой войне. Переговоры представителей трансильванской румынской буржуазии с премьер-министром Венгрии графом Тиссой о некотором расширении прав румынского населения кончились провалом. В Бухаресте состоялась антиавстрийская демонстрация. В Крайове были арестованы австрийские шпионы. В Венгрии запретили ввоз румынских газет и журналов²¹.

В начале мая произошел так называемый инцидент с Мангром, показавший всю остроту отношений между Австро-Венгрией и Румынией. В Бухарест прибыл епископ Мангр из Трансильвании. Румын по происхождению, он некогда активно участвовал в национальном движении, но затем перешел на сторону венгерского правительства и с помощью графа Тиссы был избран в венгерский парламент. Мангр явился в Бухарест на заседание румынской академии, членом которой он состоял. Однако студенты и публика встретили его такими возгласами негодования, что Мангру пришлось поспешно ретироваться. Вскоре он был исключен из членов академии²².

Война на стороне Австро-Венгрии означала бы открытое национальное предательство. Все понимали, что это могло породить для господствовавшей в Румынии клики новые трудности. Внешнеполитическими успехами румынские правители хотели укрепить свое положение в стране. Совместные действия с Австро-Венгрией могли дать лишь обратные результаты. Конечно, национальный идеал румынская буржуазия понимала по-своему. Нельзя было ожидать сочувствия к бесправному положению трансильванцев от румынских помещиков и буржуазии, которые лишили политических прав болгар в захваченной во время 2-й балканской войны Южной Добруд-

²⁰ Надо сказать, что договор был заключен и сохранялся в глубокой тайне. Под ним стояли подписи лишь короля Кароля и одного министра. Он не был утвержден парламентом, и король уведомлял лишь очередного председателя совета министров о его существовании. «Опасаясь реакции общественного мнения и цыганских нравов румынской прессы, «Карл Мудрый» держал в секрете трактат», — писал в своих воспоминаниях реакционный деятель К. Аржетоану (рукопись мемуаров К. Аржетоану хранится в Архиве Института истории партии при ЦК РРП. — *Arhiva institutului de istorie al partidului de pe linga C. C. al P. M. R.*, mapa 28: C. Argetoianu. Pentru cei de mine. Amintiri din vremea celor de ieri, partea IV (№ 1), 1913—1916, p. 347—348). Характерно, что в оригинале мемуаров слова «Карл Мудрый» не только взяты в кавычки, но написаны по-немецки («Karl der Weise»). Аржетоану с явной насмешкой величал короля эпитетом, который применяли к этой верной креатуре германского империализма на румынском престоле немецкие биографы Кароля.

Аржетоану считал, что у короля в руках оказались ничего не значащие клочки бумаги. В таких же выражениях (хотя с чувством сожаления) отзывался о договоре посланник Австро-Венгрии граф Чернин. — О. Чернин. В дни мировой войны. Прг., 1923, стр. 93.

²¹ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 75—76.

²² АВР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 97.

же, причем сделано это было под флагом подготовки к мирному и безболезненному слиянию с новым отечеством²³. Для румынской буржуазии и помещиков воссоединение с Трансильванией означало расширение внутреннего рынка, переход в их руки принадлежавших ранее венграм и немцам предприятий, возможность эксплуатировать новые миллионы рабочих и крестьян. Трансильвания с ее сравнительно развитой промышленностью казалась им заманчивой добычей. Лозунг воссоединения с Трансильванией они рассчитывали использовать в своих корыстных целях, думая, что это поможет им избавиться от внутриполитических затруднений.

Видя отход Румынии, австрийские правящие круги попытались удерживать ее в сфере своего влияния. Русский посол в Австро-Венгрии Шебеко писал, что Вена напрягает все усилия, стараясь возратить потерянное. Австрийская печать принялась запугивать румын «русской опасностью»²⁴. Чернин пытался заверить Бухарест в дружбе. Однако венгерское правительство упорно отказывалось идти на какие-либо уступки трансильванским румынам и предоставить им политические права.

Впрочем, румынское правительство и не проявляло особого стремления вырвать уступки в пользу трансильванцев у господствующих классов Венгрии. Не о трансильванцах заботился кабинет Брэттиану. Румынскую буржуазию могли удовлетворить лишь территориальные приращения, а об этом венгерское правительство не желало даже разговаривать. Известны слова Тиссы в его письме Чернину: «венгерцы будут стрелять по всякому, кто попытается отнять хотя бы квадратный метр венгерской территории», причем под венгерской территорией подразумевалась Трансильвания с ее преимущественно румынским населением. Чернин был убежден, что «заставить Венгрию пожертвовать частью своей территории можно было разве с помощью оружия»²⁵. Будапештское правительство своей неуступчивостью толкало румынскую буржуазию в лагерь Антанты.

У Румынии не было открытых политических разногласий с Германией. Румынские Гогенцоллерны при всяком удобном случае демонстрировали дружбу к своим прусским родичам и подчеркивали лояльную позицию кайзеровской дипломатии во время второй балканской войны²⁶.

Однако Германия была ведущим членом коалиции, в которую входила и Габсбургская монархия. Заполнить брешь в австро-румынских отношениях Германия была не в силах. Положение еще более осложнялось недовольством румынской буржуазии германской экономической экспансией. Германский капитал глубоко проник в экономику Румынии. В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» приводил таблицу, составленную буржуазным экономистом Лансбургом, где Румыния стояла первой в ряду стран, финансово зависимых от Германии²⁷. Общая сумма немецких капиталовложений превышала 120 млн. лей (или 23,5% всех иностранных капиталовложений в стране)²⁸. Государственный долг (главным образом германскому финансовому капиталу) превышал 1700 млн. лей. Ежегодные платежи равнялись 85,5 млн. лей (т. е. 1/3 государственного бюджета), из которых в Германию направлялось свыше 46 млн. лей²⁹.

Румынский рынок заполняли товары, привезенные из Германии и Австро-Венгрии, либо изготовленные на принадлежавших австрийцам и

²³ О проекте организации государственной власти в Южной Добрудже. — АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 77—80.

²⁴ «Международные отношения в эпоху империализма» (далее — МОЭИ), серия III, т. 2, стр. 193, 325—326.

²⁵ О. Чернин. В дни мировой войны, стр. 119, 118.

²⁶ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 11, 99.

²⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 277.

²⁸ Т. Савин. Иностранный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950, стр. 75.

²⁹ N. Hegerol. La richesse de la Roumanie. București, 1916, p. 67. Данные на 1 апреля 1916 г.

немцам предприятий в самой Румынии. Местная буржуазия все больше тяготилась положением, которое ей было отведено германскими монополиями, и хотела увеличить свою долю в грабеже собственного народа. Участие в войне на стороне Антанты против Германии открывало перед румынской буржуазией соблазнительные перспективы. С помощью войны она надеялась избавиться от немецкой опеки, забрать принадлежавшие немцам, австрийцам и венграм предприятия не только в пределах так называемого старого королевства³⁰, но и в Трансильвании, прекратить платежи долгов и наложить под тем или иным предлогом руку на те суммы, которые раньше выкачивались германскими монополиями. Глубоко прав румынский историк И. Георгиу, указавший на экономические корни антантофильства румынской буржуазии, стремившейся «захватить у Австро-Венгрии промышленные районы Трансильвании и Баната, устранить германский капитал из румынской промышленности и заполучить капиталы фабрик и заводов в Румынии, принадлежавших немцам и австро-венграм»³¹. Этот важный и интересный вывод требует еще детальной разработки.

* * *

В Петербурге Румыния долгие годы считалась державой, идущей в фарватере Германии и Австро-Венгрии. Убеждение это было настолько прочным, что в 1912 г. штаб Одесского военного округа указывал с полной определенностью: «Не подлежит сомнению, что в случае войны с Россией Австрия и Румыния будут действовать заодно»³². Однако 2-я балканская война показала, что эта концепция не соответствовала действительности.

В январе 1914 г. в Бухарест прибыл новый посланник России С. Поклевский-Козелл. Почти одновременно приступил к обязанностям военного атташе полковник Семенов. Их обоих поразила подчеркнутая доброжелательность встречи. В высшем свете Бухареста русским дипломатам было оказано большое внимание³³. Создалась благоприятная обстановка для выяснения позиции Румынии в случае возникновения войны, в подготовке которой царское правительство принимало деятельное участие. Прежде всего вставал вопрос об австро-румынском договоре. Учитывая сугубую секретность документа, Поклевский узнал его содержание с поразительной быстротой³⁴.

Полковнику Семенову удалось познакомиться с этим важным договором через генерала Сочека, коменданта Бухарестской крепости. Сочек не верил в возможность столкновения с Россией. По его словам, 80% офицерского корпуса было настроено антантофильски и лишь 20% сочувствовало Австро-Венгрии или относилось к мировым событиям безразлично³⁵.

Уже в начале 1914 г. в Бухаресте намекали на румынский нейтралитет и упоминали, правда пока еще очень туманно, о более благоприятной позиции³⁶.

Случай проверить эти предварительные выводы и впечатления предстал во время свидания Николая II с румынским королем в начале июня в Констанце. Пока монархи обменивались тостами и Николай II вел беседы по программе, заранее составленной министром иностранных дел Сазоновым, последний зондировал почву в переговорах с Брэтиану.

³⁰ Старое королевство — Румыния в границах, существовавших до первой мировой войны.

³¹ «Studii și referate privind istoria României», partea II-a, p. 1457.

³² ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3092, л. 42.

³³ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 15; ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3126, л. 8, 15.

³⁴ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 18—19.

³⁵ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3126, л. 14.

³⁶ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 14.

Сазонов уверял румынского премьера, что у представляемых ими держав нет причин для взаимной вражды и что Россия во время второй балканской войны показала свою готовность идти рука об руку с Румынией. В ответ Брэтиану заявил: «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты». На прямой вопрос Сазонова, каково будет отношение Румынии к австро-русскому конфликту, глава румынского правительства ответил, что все будет зависеть от обстоятельств. Сазонов пришел к выводу, что договор с Австро-Венгрией носит оборонительный характер, а поскольку во время столкновения каждая сторона будет стараться представить себя в качестве обороняющейся, то румынское правительство сможет «толковать этот вопрос, как... это будет выгодно»³⁷. Союз с Австро-Венгрией фактически был мертв. Русский министр иностранных дел писал в докладной записке царю: «Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии послужить ей наибольшие выгоды»³⁸.

Русской дипломатии было ясно, что политика румынских правящих кругов сильно изменилась по сравнению с предыдущим периодом и что теперь Антанта могла вступить в борьбу с Центральными державами за привлечение Румынии на свою сторону. В этой борьбе державы Антанты имели лучшие шансы, так как в их руках был такой козырь, как Трансильвания, противопоставить которому германская и австро-венгерская дипломатия ничего не могли.

* * *

После сараевского убийства в Румынии то и дело прорывались анти-австрийские настроения. 17 июля в Яссах состоялась демонстрация перед русским консульством, участники которой выражали сочувствие Антанте. Полиция уговорила собравшихся разойтись. Консул Менделеев писал о сильном «возбуждении умов» в городе против Австро-Венгрии, в том числе и среди «гражданских и военных чинов», и о проявлениях симпатии к Франции и России. Начальник Ясского военного училища полковник Броштяну остановил французского консула Сиби на главной площади и на глазах у зевак и завсегдатаев многочисленных кафе долго разговаривал с ним, чтобы, как он позднее объяснял, все видели, что сочувствие армии — на стороне Антанты. В Галаце генерал Богдан заявил французскому консулу Добри, что не допускает и мысли о выступлении против Антанты³⁹. Генеральный консул России в Галаце Картамышев писал в начале августа: «Настроение всех слоев населения благоприятно России». Он указывал, что многие высказываются против намерения короля встать на сторону Австро-Венгрии.

Конечно, нельзя понимать буквально слова: «все слои населения». Речь шла о буржуазных и мелкобуржуазных кругах. Тот же Картамышев телеграфировал 13 сентября: «Сегодня огромная толпа, состоявшая из учителей, адвокатов, учащейся молодежи, приказчиков и ремесленников, несмотря на запрещение полиции, после патриотического митинга прошла по главным улицам Галаца с пением патриотических песен и кликами «Да здравствует Франция и Россия!»»⁴⁰.

Следует отметить, что к воссоединению с Трансильванией в едином румынском государстве стремились действительно все слои населения. Однако план воссоединения «сверху» — путем империалистической войны, с полуфеодалами-помещиками и хищной буржуазией у кормила вла-

³⁷ См. МОЭИ, серия III, т. III, стр. 221—224, 387—388.

³⁸ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 78.

³⁹ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 1705, Яссы, л. 2, 5, 7, 8.

⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 304, л. 102, 163.

сти — рабочему классу и трудовому крестьянству был глубоко чужд. Рабочие на протяжении всего периода нейтралитета выступали с демонстрациями и забастовками против вовлечения Румынии в войну. Крестьяне также не проявляли никакого желания тянуть солдатскую лямку ради обогащения румынских помещиков и буржуазии.

Летом 1914 г., по мере того как тучи войны сгущались на горизонте, борьба рабочих принимала ярко выраженный политический, антивоенный характер (стачки рабочих бухарестского трамвая, портов Галаца, Брэилы и Констанцы, железнодорожников, рабочих арсенала в Бухаресте, фабрики «Гец» в Галаце, антивоенное собрание в Бухаресте, состоявшееся 19 июля 1914 г., с участием окрестных крестьян)⁴¹.

О настроениях крестьянства можно было судить по призванным в армию резервистам (в Румынии под видом военной подготовки была проведена частная мобилизация). Войска, по свидетельству русского консула в Яссах, были недовольны приготовлениями к войне⁴². Число дезертиров было велико. Крестьяне знали, что война принесет им нищету, разорение и массовые жертвы.

В правящих сферах Румынии весть об убийстве Франца Фердинанда встретили со смешанным чувством страха и надежды. Аржетоину, в то время один из ведущих деятелей консервативной партии, грубовато, но выразительно писал, что румынские политики «едва не наделали в штаны со страха». Прожженный политический делец Кароль Гогенцоллерн сразу же понял, что австро-сербский конфликт — лишь первая вспышка громадного пожара⁴³. Понимали это и члены правительства Брэттиану. Румыния могла быть быстро раздавлена под колесами любой из пришедших в движение военных машин.

Но вместе со страхом в умах руководителей правительства и оппозиции забрезжила надежда, что настал, может быть, единственный случай для претворения в жизнь своих захватнических планов.

Открытых германофилов, сторонников немедленного вступления в войну, было немного. Один из них, престарелый консерватор Петре Карп, издававший над настроениями общественности, вынужден был уйти с поста главы партии, и его мнение прежнего веса не имело.

Большинство прогермански настроенных аграриев, примыкавших к консервативной партии во главе с ее шефом Александру Маргиломапом, не решалось настаивать на немедленном вступлении в войну. Они рассчитывали, что решительные победы Центральных держав заставят широкие слои румынской буржуазии и помещиков, оставив колебания, броситься в объятия Берлина и Вены.

Король Кароль был отпрыском младшей ветви Гогенцоллернов и ярким германофилом. Почти за 50 лет своего пребывания в Румынии он сохранил душу прусского лейтенанта, кем он был до приглашения на румынский престол. Кароль преклонялся перед прусской военной системой и сделал многое для укрепления политического и экономического влияния Германии в стране. Антимонархическая газета «Facla» писала о нем: «В стране голодного безумия, нечистых дел, цинизма и распущенности царствует король — фабрикант пива, брынзы, стекла и бумаги, владелец домов и поруганных земель, держатель акций коммунального трамвая, инициатор создания картелей и трестов, маклер крупновских заводов и посредник всех немецких банков, хранитель кровавых досье⁴⁴, клоп, который живет за счет нищеты страны рабов»⁴⁵.

⁴¹ «Lupta pentru refacerea...», p. 55—56.

⁴² АВПР, Политархив, 1914—1915 гг., д. 1705, Яссы, л. 4.

⁴³ О. Чернип. В дни мировой войны, стр. 100.

⁴⁴ Намек на то, что король хранил у себя досье с материалами о кровавом подавлении крестьянского восстания 1907 г.

⁴⁵ Цит. по сборнику памфлетов: N. D. Cosea. Pamflete antidinastice. București, 1949, p. 7.

Кароль упорно тянул Румынию в австро-германский военный лагерь, хотя и сознавал, насколько это опасно: Маргиломану он говорил, что в таком случае Румыния с ее открытым берегом может быстро потерять Констанцу⁴⁶. Однако без поддержки значительных слоев румынской буржуазии и помещиков Кароль и не мог повернуть руль политики.

В Бухаресте ходили слухи, что Кароль опасался за свои капиталы, вложенные в немецкие банки, и поэтому настаивал на поддержке Центральных держав. В прессе допускались резкие выпады против короля. Газета «Fasla», занимавшая антантофильскую позицию, писала в начале августа, что если этот обосновавшийся в Румынии «германский шпион посмеет изменить народно-румынскому идеалу, то мы, румыны, не потерпим его дальнейшего пребывания у нас»⁴⁷.

Широкая антантофильская пропаганда началась в Румынии с сентября, когда был рассеян миф о германской непобедимости, отражены первые немецкие удары и обнаружилась военная неполноценность лоскутного габсбургского государства. Но антантофильские настроения существовали, конечно, и раньше.

Переход на сторону Антанты сулил получение Трансильвании, Буковины, Баната, Кришаны, Марамуреша. Участие в войне на стороне германского блока могло, в лучшем случае, закончиться захватом Бессарабии. Но в осуществимость и прочность такого захвата мало кто верил. Характерно, что даже такой ярый германофил, как П. Карп, считал возможным занятие лишь Южной Бессарабии с тем, чтобы Австро-Венгрия обосновалась в Северной⁴⁸. Союз с Австро-Венгрией он хотел построить на основе совместной защиты награбленного.

Антантофилы подобные планы не прельщали. Проекты расчленения России, создания «королевства Украины», которое находилось бы в вассальной зависимости от империи Габсбургов, казались им «странной фантазией»⁴⁹. Связывать свою судьбу с Австро-Венгрией, в скором распаде которой они были уверены и в наследники которой стремились попасть, антантофилы считали бессмысленным.

Одна особенность отличала пропаганду антантофилов: сторонники выступления против Австро-Венгрии аргументировали прежде всего тем, что они считали Россию в военном отношении слабым государством. Румынские антантофилы понимали, что Россия времен Николая II — это не Россия времен Александра I⁵⁰. Эту точку зрения разделял и Брэттиану. В меморандуме, представленном Парижской мирной конференции, указывалось, что Россия в начале XX в. перестала быть опасной⁵¹.

В Румынии внимательно следили за событиями у северного соседа. Революция 1905—1907 гг., поражение царизма в войне с Японией показали гнилость царского режима. Экономическая и финансовая слабость и зависимость от союзников даже в военных вопросах тоже не прошли незамеченными для бухарестских правящих кругов. Маргиломан отмечал в своих дневниках, что Петербург постоянно допускал вмешательство Франции в военные дела⁵². Видный либерал Дж. Диаманди указывал, что сила русских армий зависела от французских финансов, а экспорт и импорт России находились под контролем британского флота. Румынские антантофилы не скрывали своих расчетов на то, что Англия и Франция не допустят русского продвижения к Константинополю и превратят его в свободный порт⁵³.

Основная часть руководства обеих партий, национал-либеральной и

⁴⁶ A. Marghiloman. Note politice. 1896—1924. Vol. I, 1896—1915. București, 1927, p. 226.

⁴⁷ АВПР, Политархив, 1914—1915 гг., д. 1705, Яссы, л. 5.

⁴⁸ A. Marghiloman. Note politice, p. 230.

⁴⁹ G. Diamandy. România și conflictul european. București, 1914, p. 17—18.

⁵⁰ Ibid., p. 28.

⁵¹ Arhiva ministerului de externe, 71/914. E₂. Pacea generală (diverse), II, p. 255.

⁵² A. Marghiloman. Note politice, p. 212.

⁵³ G. Diamandy. România și conflictul european, p. 28, 29.

консервативной, не была настолько загипнотизирована германской мощью, чтобы без оглядки броситься за Тройственным союзом. Она была склонна занять выжидательную позицию. Взаимное истощение противников в длительной войне могло превратить румынскую армию в ощутимую силу на чаше весов и обеспечить румынским правителям солидную долю при дележе добычи. Эти планы раскрыл брат премьера Винтила Брэтиану, видный член либеральной партии, в докладе «Интересы Румынии в настоящей войне»⁵⁴. Суть его рассуждений сводилась к следующему: не надо бросаться, очертя голову, в поединок, в котором Румыния может быть сразу сокрушена. «Инстинкт самосохранения и уроки прошлого», по словам В. Брэтиану, требовали, чтобы Румыния не была с самого начала вовлечена в битву. Надежды на быструю войну или скорое истощение противников несбыточны. Результаты будут зависеть от общего исхода, а не от частных успехов или поражений. Поэтому нельзя поддаваться настроениям минуты, а надо ждать⁵⁵.

Подобной тактики придерживалось и правительство, возглавляемое И. Брэтиану. Он не собирался выступать немедленно на чьей-либо стороне и хотел в то же время сохранить лазейки в оба лагеря. Поэтому Брэтиану, не моргнув глазом, уверял русского посланника, что с самого начала своей политической карьеры был сторонником дружбы с Россией⁵⁶. Поклевский считал Брэтиану наиболее подходящей фигурой во главе румынского правительства и просил Петроград избегать каких-либо действий, могущих поколебать положение премьера. Совсем иначе высказывался Брэтиану во время своих свиданий в июле — августе 1914 г. с лидером консерваторов германофилом Маргиломаном. В этих беседах Брэтиану неизменно выдавал себя за сторонника вступления в войну (хотя и не немедленного) на стороне Германии⁵⁷.

В обоих случаях он надевал маску. Позднее, 16 августа 1916 г., на коронном совете, когда вопрос о вступлении Румынии в войну был решен, Брэтиану заявил, что он, подобно своему отцу, не является ни германофилом, ни руссофилом⁵⁸. Брэтиану был подлинным представителем крупной румынской буржуазии, в одно и то же время хищной и трусливой, жадной и осторожной, наглой и изворотливой. Он был как раз тем человеком, в котором эта буржуазия нуждалась в период лавирования между двумя лагерями.

Австро-венгерского посланника Чернина Брэтиану в заблуждение ввести не удалось. Уже 25 июля посланник был убежден, что румынское правительство займет выжидательную позицию⁵⁹. Уклончивые ответы и недомолвки Брэтиану подорвали у Чернина всякое доверие к румынскому премьеру. Но в отношении германского посланника Вальдхаузена тактика Брэтиану увенчалась успехом. Германским представителем в Бухаресте был, по характеристике Маргиломана, тугодум⁶⁰, с которым даже румынские германофилы не любили иметь дела. Вальдхаузен отождествлял симпатии короля с точкой зрения правительства и принимал за чистую монету туманные обещания румынского премьера. 3 августа за несколько часов до коронного совета в Синае Вальдхаузен сообщал в обнадеживающем тоне, что Румынии понадобится некоторое время для спокойного вооружения⁶¹.

⁵⁴ V. J. Brătianu. Interesele României în actualul război. București, 1914.

⁵⁵ Ibid., p. 24, 30—31.

⁵⁶ АВПР, Политархив, 1914 г., д. 699, л. 13.

⁵⁷ A. Marghiloman. Note politice, p. 241, 245, 248, 284.

⁵⁸ Arhiva ministerului de externe. 71/914 E₂. Pacea generală (diverse). Delegation roumaine à la paix. Dossier politic (secret). Le conseil de couronne de 1916, f. 10.

⁵⁹ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914». Bd. 8. Wien — Leipzig, 1930, S. 832, № 10872; S. 708, № 10665.

⁶⁰ A. Marghiloman. Note politice, p. 260.

⁶¹ «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd. 4, Charlottenburg, 1919, S. 35, № 786.

Беспочвенный оптимизм донесений Вальдхаузена вызывал у Чернина досаду и гнев. Последний призывал свое начальство не питать иллюзий⁶². Но его советов не слушали. Франц Иосиф требовал у румынского короля, чтобы тот приказал «своей» армии выступить с австрийцами против России⁶³. Вильгельм же всерьез рассчитывал на то, что румынскому отпрыску Гогенцоллернов удастся вовлечь свою страну в войну немедленно без каких-либо условий⁶⁴.

Лихорадочная деятельность германо-австро-венгерской дипломатии не осталась вне поля зрения Антанты. Осторожная тактика Брэтиану, боявшегося прогадать, увеличивала тревогу. После больших усилий и попыток выяснить что-либо определенное о позиции румынского правительства Поклевскому пришлось довольствоваться строго личным мнением Брэтиану, что России не следует опасаться враждебного выступления со стороны Румынии⁶⁵.

3 августа 1914 г. в королевском замке Пелеш в Синае собрался коронный совет. Открыл его Кароль. Он высказался за немедленное вступление в войну на стороне Центральных держав⁶⁶. Наступило глубокое молчание. Наконец, слово взял Теодор Росетти, самый старый из присутствовавших на совещании экс-премьеров. Он заявил, что, по его мнению, Румыния могла бы воздержаться от немедленного выступления. После Росетти выступил Петре Карп, поддержавший короля. Он сказал: «Зачем колебаться? Победа Тройственного союза обеспечена». С общественным мнением Карп считаться не желал: «Мне говорят об общественном мнении. Оно меня совершенно не интересует. Долг государственного деятеля — управлять этим мнением, а не подчиняться ему». Однако голос Карпа прозвучал одиноко. Лидер консерваторов Маргиломан высказался тогда за нейтралитет. Он не считал возможным игнорировать настроения общественности. И. Лаховари, М. Градиштяну (консерваторы), Таке Ионеску (консерватор-демократ) поддерживали эту точку зрения.

После них произнес речь Брэтиану. Он присоединился к мнению, что в такой ответственный момент игнорировать настроения общественности нельзя. Глава кабинета рекомендовал занять выжидательную позицию: «Война будет долгой; подождем, как развернутся события. Нам еще представится случай сказать свое слово»⁶⁷.

Карп вступил в полемику с Брэтиану. Пока они спорили, стало известно о получении телеграммы, подтверждавшей нейтралитет Италии. Позиции сторонников выжидания усилились еще больше. Этой тактики рекомендовали придерживаться либералы М. Ферекиде (председатель палаты депутатов) и Э. Костинеску (министр финансов). Кароль сделал последнюю попытку воздействовать на собрание. Он в туманной форме намекнул на возможность отречения⁶⁸. Увидя, что это не подействовало, он сдался.

⁶² «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd. 8, S. 838, № 10878.

⁶³ Biblioteca centrala de stat. Filial N. Bălcescu. Fond Brătianu, pachet XVIII, № 89 (далее — Fond Brătianu).

⁶⁴ «Die deutschen Dokumente», Bd. 2, № 472.

⁶⁵ МОЭИ, серия III, т. V, стр. 304—305.

⁶⁶ G. Fotino. Une seance historique au conseil de la couronne. «Revue de deux mondes». 1.VIII.1920, p. 529—541. Фотино имел возможность ознакомиться с архивом участника совещания И. Г. Дука.

⁶⁷ Ibid., p. 534—536, 538. Одобряя решение не выступать в союзе с австро-германским блоком, В. Брэтиану писал своему брату премьер-министру П. Брэтиану: «Менять сейчас эту наиболее благоприятную позицию было бы преждевременно. Это встретило бы сильное сопротивление общественности, которая не поняла бы причины такой перемены и увидела бы в этом капитуляцию перед угрозами Тройственного союза». В. Брэтиану предупреждал далее брата, что такое же настроение господствует в армии. «Принять решение, игнорирующее эти настроения, невозможно, по крайней мере в настоящий момент». — «Studii», 1957, № 3, p. 202.

⁶⁸ Ibid., p. 540.

После совещания было опубликовано краткое коммюнике, в котором говорилось о необходимости усилить военные меры для охраны границ. Русский посланник, комментируя заседание коронного совета и принятое на нем решение, указывал, что оно означало желание занять выжидательную позицию⁶⁹.

Решение совета соответствовало точке зрения основных кругов румынской буржуазии и помещиков.

Германофилы, главным образом аграрии, сбывавшие в Германию значительную часть румынского экспорта, надеялись на молниеносную победу Центральных держав. «Блицкриг» должен был прояснить обстановку. Выжидание вполне устраивало аграриев. Румыния между двумя лагерями являлась бы предметом ухаживания с обеих сторон. Открывались возможности выгодного сбыта, в чем были заинтересованы не только торговцы и промышленники, но и помещики. Агенты Австро-Венгрии и Германии развили лихорадочную деятельность по скупке зерна и нефти. Уже в первые месяцы войны отмечались признаки того ажиотажа закупок, под знаком которого прошли годы выжидания (1914—1916 гг.)⁷⁰.

Профранцузски настроенные круги буржуазии и помещиков тоже не торопились. Они боялись обжечься в огне войны. Характерным для их настроений в первые дни войны было высказывание одного из виднейших деятелей консервативной партии, бывшего военного министра Н. Филиппеску, сделанное им в разговоре с Аржетояну. Незадолго до событий на Марне, находясь под впечатлением немецких успехов на Западном фронте, он заявил Аржетояну: «Если так пойдет дальше, надо изменить политику: если нельзя забрать Трансильванию, надо взять по крайней мере Бессарабию»⁷¹. Аржетояну разделял мнение своего шефа. Антантофильство этих кругов было весьма относительным.

В архивном фонде семейства Брэтиану сохранилась набросанная карандашом на оборотной стороне бюллетеней румынского агентства за 21 июля — 3 августа 1914 г. инструкция послу в Берлине Белдиману⁷². В тексте есть пометка, что в выработке депеши участвовали король, председатель палаты депутатов Ферекиде, шеф партии консерваторов Маргилومان и глава партии консерваторов-демократов Таке Ионеску. В ней сообщалось о результатах коронного совета. Подчеркивалось, что Румыния намерена поддерживать действия Германии и будет вести военные приготовления в той мере, в какой это будет возможно, не опасаясь вмешательства России. В инструкции в тоне извинения указывалось, что немедленное выступление, учитывая настроения общественности, предпринять невозможно.

В депеше далее сообщалось, что Болгарии предоставляется полная свобода действий в отношении Сербии. Прежний союзник по второй балканской войне, таким образом, выдавался с головой. Явно желая обезопасить свой тыл от нападения болгар и натравить их на Сербию, румынские правители расписывали выгоды, которые этот шаг мог бы принести Габсбургской монархии. Австро-Венгрия, по заявлению Брэтиану, могла снять значительные силы из района Дуная, компенсировав их болгарскими.

На этот раз Брэтиану пытался ввести в заблуждение дипломатию Центральных держав.

Болгария тогда еще не вступила в войну, и никакие австрийские дивизии на Дунае не освободились. Что касается военных приготовлений против России, то, выждав некоторое время и убедившись, что до решительной германской победы еще очень далеко, румынское правительство предпочло воздержаться от концентрации войск на русской границе.

⁶⁹ МОЭИ, серия III, т. V, стр. 390.

⁷⁰ Менее чем за два месяца (июль — август) одни лишь австрийцы вывезли из Румынии 7 тыс. вагонов зерна.— ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3131, л. 63; см. также д. 3130, л. 63, 134, 144, 286; АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., оп. 470, д. 46, л. 48.

⁷¹ Arhiva institutului de istorie... C. Argetoianu..., partea IV (№ 1), p. 363.

⁷² Biblioteca... Fond Brătianu, pachet XVIII, № 83.

Русские военные власти получали от военного атташе и от своей агенты в Румынии самые успокоительные сведения. Начальник генштаб Румынии, полагая, что голословным заверениям о добрых намерениях восточный сосед все равно не поверит, предложил полковнику Семенов съездить на север Молдовы, «чтобы убедиться в отсутствии сосредоточения войск в этом пункте». Семенов пробыл несколько дней в районе Яссы — Роман и сообщил в Петербург, что опасности нет⁷³. Это сообщение стоило больше, чем все заверения Брэтиану, вместе взятые, ибо было ясно, что опытный глаз военного не мог бы не заметить концентрации войск, если бы она производилась в угрожающих для России размерах.

Другие сведения также не внушали русскому командованию тревоги. 27 августа в сводке агентурных данных говорилось, что румынские офицеры в беседах с солдатами говорят о возможном выступлении против Австро-Венгрии. 16 сентября Семенов сообщил, что в румынском генштабе составлен план операций против Австро-Венгрии. Через несколько дней поступило сообщение об усилении румынских гарнизонов в пограничных с Трансильванией районах⁷⁴. 21 сентября в сводке агентурных сообщений появились сведения о том, что войскам были розданы карты австро-венгерской территории⁷⁵. Из всего этого видно, что в августе румынское правительство не предпринимало действий, предвещавших нападение на Россию, а в сентябре, учитывая русские военные успехи на юго-западном фронте, начало исподволь готовиться к выступлению против Австро-Венгрии. Пустопорожние декларации и намеки на возможность сотрудничества в будущем с Центральными державами, делавшиеся посланцами коронного совета в Синае, были нужны Брэтиану, чтобы на случай поворота военного счастья обеспечить румынскому правительству лазейку для возвращения в коалицию. Существовало еще одно соображение, заставлявшее румынское правительство лицемерить: на военных заводах Австро-Венгрии и Германии было заказано, но еще не доставлено большое количество вооружения⁷⁶. Именно поэтому Брэтиану на другой же день посланцы коронного совета настаивали перед представителями Центральных держав на скорейшей присылке оружия⁷⁷.

Первая реакция австро-германской дипломатии на решение коронного совета была самой искренней. Чернин выразил сожаление. В Вену он писал, что Бухарест стремится выиграть время: если чаша весов склонится к державам центра, он выполнит свои союзные обязательства; если же произойдет обратное, настанет время для осуществления популярного в Румынии лозунга — раздела Габсбургской монархии⁷⁸.

Вильгельм I, потеряв самообладание, написал на полях депеши Вальдхаузену, извещавшей о решении коронного совета в Синае: «Союзники отпадают от нас уже до войны, подобно гнилым яблокам! Полный провал германской, а также австрийской дипломатии. Этого должно было и можно было избежать»⁷⁹.

Через несколько дней Чернин и Вальдхаузен по поручению своих правительств заявили о том, что считают действия румынского кабинета соответствующими дружеским отношениям между их странами и Румынией⁸⁰. Это была попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Не в интересах Германии и Австро-Венгрии было захлопывать дверь, которую бухарестский кабинет хотел держать открытой, чтобы, в случае чего, вернуться к Центральным державам.

⁷³ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 80, 140, 155.

⁷⁴ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3131, л. 59, 78, д. 3130, л. 179.

⁷⁵ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3131, л. 78.

⁷⁶ Лишь в Австро-Венгрии было заказано 65 тыс. винтовок, 14 тыс. снарядов, около 600 полевых кухонь. — ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, д. 3131, л. 134, 186.

⁷⁷ Biblioteca... Fond Brătianu, pachet XVIII, № 83.

⁷⁸ «Cartea roșie Austro-Ungară». București, 1917, p. 7, № 7.

⁷⁹ Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба..., стр. 68.

⁸⁰ «Cartea roșie Austro-Ungară», p. 6, № 5.

Осторожность Брэтиану и его коллег обнадеживала Центральные державы. Не будучи уверен в исходе войны, Брэтиану дал циркулярную телеграмму всем префектам — пресекать антиавстрийские манифестации, не останавливаясь перед самыми решительными мерами⁸¹.

Первый тур борьбы за вовлечение Румынии в войну был Центральными державами проигран. Однако они не прекращали своих усилий. Вальдхаузен и Черний, повинувшись указаниям своих правительств, зачастили в замок Пелеш — резиденцию короля. «Мне было вменено в обязанность, — писал Черний в своих мемуарах, — испытать все средства, чтобы добиться немедленного выступления Румынии»⁸². Представители держав центра до того усердствовали, что доводили старого короля до истерики⁸³. Черний признавал, что он и его германский коллега старательным исполнением инструкций своих правительств приблизили конец Кароля, в лице которого сошел в могилу самый влиятельный в Румынии германофил.

Русская дипломатия одно время серьезно опасалась, что Кароль попытается спровоцировать пограничные инциденты, и призывала генеральный штаб не концентрировать войска на румынской границе, чтобы не дать румынам повода для ответных мероприятий. В целом же русские представители в Бухаресте считали колеблющуюся позицию румынского правительства благоприятной для Антанты⁸⁴.

Первый шаг к сближению с Антантой был сделан. Дипломатия последней перешла в наступление. 7 августа Сазонов передал румынскому посланнику в Петербурге Диаманди предложения о территориальных приобретениях для Румынии в случае ее присоединения к англо-франко-русской коалиции⁸⁵. Начался длившийся два года торг.

* * *

Отношение правящих кругов Румынии летом 1914 г. к войне определялось целым рядом факторов.

Веские причины побуждали их опасаться длительной войны. К ним относились: недовольство рабочих и крестьян и вытекавшая из этого непрочность тыла; слабость военно-промышленного потенциала и невозможность поэтому вести сколько-нибудь длительное время самостоятельные военные действия.

Наступление русских войск в непосредственной близости от румынской границы действовало на правителей Румынии отрезвляющим образом. Здесь предвидели, что война будет долгой и упорной, и хотели, выждав время, примкнуть к сильнейшей из коалиций. Все это побудило коронный совет в Синае отказаться от выполнения союзнических обязательств по отношению к Австро-Венгрии и занять выжидательную позицию.

Началась длительная борьба обеих воюющих сторон за привлечение Румынии. В этой борьбе шансы Антанты были значительно лучше.

Однако возможность выступления Румынии против Антанты, в случае решительных успехов Центральных держав, не была исключена.

Два года продолжалось выжидание. Румынские помещики и буржуазия нажили за это время огромные барыши, сбывая нефть и зерно обоим воюющим лагерям. Антанта обещала больше, и в августе 1916 г. румынское правительство вступило в войну на ее стороне⁸⁶. Плохо подготовленная армия Румынии быстро потерпела поражение. Десятки тысяч убитых и раненых солдат, голодовки в городах, разорение и обнищание деревни — таковы были итоги политики правящих классов Румынии.

⁸¹ Biblioteca... Fond Brătianu, mapa 9, № 1.

⁸² О. Черний. В дни мировой войны, стр. 103.

⁸³ «Die deutsche Dokumente», Bd. 4, № 868.

⁸⁴ ЦГВИА, ГУГШ. ф. 2000, оп. 1, д. 3130, л. 120, 201.

⁸⁵ МОЭИ, серия III, т. VI, ч. 1, стр. 21.

⁸⁶ «История Румынии», под ред. М. Роллера. М., 1950, стр. 435.